

И хотя граней у известной личности много, важно видеть главное — осознает ли политик, что «народная религия» и «политические условия» это ни какой-то пустяк, а главное в преобразовательной деятельности. К сожалению, Витте это понимал очень плохо. Вот что он, министр финансов, приумноживший как никто богатства казны, писал в циркуляре фабричным инспекторам об отношениях рабочих и капиталистов в 1895 г. за десять лет до начала первой русской революции: «В нашей промышленности преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и рабочим. Эта патриархальность во многих случаях выражается в заботливости фабриканта о нуждах рабочих и служащих на его фабрике, в попечениях о сохранности лада и согласия, в простоте и справедливости во взаимных отношениях. Когда в основе таких отношений лежит закон нравственный и христианские чувства, тогда приходится прибегать к применению писанного закона и принуждения...».

Святая простота. Стоило бы Витте в те годы как следует всмотреться в российскую действительность, и он сразу же бы обнаружил пропасть в отношениях фабриканта с рабочими. И, действительно, несколько лет спустя, вникнув как следует в народную жизнь, Витте перестает рассуждать «об особом укладе русской жизни и патриархальных отношениях», понимает, что «лада и согласия» нет и не будет, если не добиться справедливости во взаимоотношениях между рабочими и фабрикантами. И он, начинает открыто заявлять: «В России теперь происходит то же, что случилось в свое время на Западе: она переходит к капиталистическому строю... Россия должна перейти на него. Это мировой непреложный закон...», и далее: «Мы находимся у начала этого движения, которого нельзя остановить без риска погубить Россию».

В результате при самом активном участии Витте были разработаны и приняты законы об ограничении рабочего времени на предприятиях (1897 г.), о вознаграждении рабочих, потерявших трудоспособность в результате несчастного случая на производстве (1903 г.), о введении на фабриках и заводах института фабричных старост (1903 г.). Все это говорило о том, что Витте пытался добиться социального мира в российском обществе экономическими и социальными мероприятиями, особенно за счет создания рабочего законодательства.

Однако, самоуверенная и бесконтрольная камарилья — окружение Николая Второго, не считала нужным принимать в расчет новые реалии — развитие капитализма и рост численного и качественного состава рабочих. Убеждала царя и сама действовала через ресурс министерства внутренних дел, через наращивание полицейских функций. Не понимала главное — на фабрики и заводы прибывали крестьяне с общинным духом, с исконной верой в наступление «царства справедливости».

Но, лучше других, понимая процессы, происходившие в рабочей среде, Витте, как пишет историк А. П. Карелин, в крестьянском вопросе «долгое время оставался ярым сторонником консерваторов славянофильской заправки, полностью разделяя законодательные меры Александра III по сохранению патриархально-попечительных начал в российской деревне,... выступал горячим сторонником указа о сохранении общины и неотчуждаемости наделных земель» (1893 г.). Но спустя пять лет, Витте, как и в «рабочем вопросе» расстаётся с иллюзиями и в 1898 г. обращается к царю Николаю Второму с запиской, в которой уговаривает царя «завершить освобождение крестьян», освободить крестьянина от опеки местных властей и общины...

Перечень подобных «социально-экономических кульбитов» министра финансов и председателя Комитета министров Витте можно продолжать и продолжать. Но нельзя не упомянуть, что и политические воззрения Витте были непоследовательными. Он сам так их характеризовал: «...Вся моя семья была в высокой степени монархической семьей, и эта сторона характера осталась у меня по наследству». Однако, несколько позже он утверждал: «С раз-